

Эмиль Золя

РАЗГРОМ
♦
ДОКТОР ПАСКАЛЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
3 81

Émile Zola
LA DÉBÂCLE. LE DOCTEUR PASCAL

Перевод с французского
Валентина Парнаха, Евгении Яхниной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации французских художников из изданий начала XX в.

ISBN 978-5-389-31357-6

© Е. И. Яхнина (наследник), перевод, 1965
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

О ПОРЯДКЕ ЧТЕНИЯ ЦИКЛА «РУГОН-МАККАРЫ»

Работа над романами цикла «Ругон-Маккары» заняла у Эмиля Золя больше двадцати лет и не происходила линейно: за вычетом хронологически первого и последнего романов, созданных соответственно первым и последним, порядок появления частей цикла не всегда соответствовал хронологии описываемых событий. Традиционно цикл издается в порядке написания, однако в этом и дальнейших изданиях мы предпочли руководствоваться его внутренней хронологией. Такой порядок чтения сам автор описывает в финальном романе цикла «Доктор Паскаль» и, по утверждению Эрнеста Альфреда Визетелли, английского переводчика и друга Золя (см. критическую биографию *Émile Zola, Novelist and Reformer: An Account of His Life and Work* by Ernest Alfred Vizetelly, 1904, гл. XI), неоднократно рекомендовал на словах.

- Карьера Ругонов (*La Fortune des Rougon*, 1871)
- Его превосходительство Эжен Ругон (*Son Excellence Eugène Rougon*, 1876)
- Добыча (*La Curée*, 1871–1872)
- Деньги (*L'Argent*, 1891)
- Мечта (*Le Rêve*, 1888)
- Покорение Плассана (*La Conquête de Plassans*, 1874)
- Пена (*Pot-Bouille*, 1882)
- Дамское Счастье (*Au Bonheur des Dames*, 1883)
- Проступок аббата Муре (*La Faute de l'abbé Mouret*, 1875)
- Страница любви (*Une page d'amour*, 1878)
- Чрево Парижа (*Le Ventre de Paris*, 1873)
- Радость жизни (*La Joie de vivre*, 1884)
- Западня (*L'Assommoir*, 1877)
- Творчество (*L'Œuvre*, 1886)
- Человек-зверь (*La Bête humaine*, 1890)
- Жерминаль (*Germinal*, 1885)
- Нана (*Nana*, 1880)
- Земля (*La Terre*, 1887)
- Разгром (*La Débâcle*, 1892)
- Доктор Паскаль (*Le Docteur Pascal*, 1893)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В двух километрах от Мюлуза, близ Рейна, среди плодородной равнины, расположился лагерь. На склоне августовского дня, под мутным закатным небом, омраченным тяжелыми тучами, белели ряды походных палаток, на первой линии сверкали на равном расстоянии друг от друга пирамиды ружей и неподвижно стояли часовые, вперяя взгляд в лиловатый туман, который поднимался над рекой.

Из Бельфора войска пришли часам к пяти. И только в восемь солдаты должны были получить довольствие. Но топливо, наверно, задержалось в дороге, и раздача не состоялась. Нельзя было разжечь огонь и приготовить суп. Пришлось грызть одни сухари, щедро поливая их водкой, а от этого ноги, и так ослабевшие от усталости, совсем подкашивались. Два солдата, за пирамидами ружей, у походной кухни, все-таки пытались разжечь охাপку свежих сучьев, срезанных штыками, но сучья упорно не загорались. Густой черный дым медленно поднимался в вечернее, безмерно скорбное небо.

Здесь было только двенадцать тысяч человек, это все, что осталось у генерала Феликса Дуэ от 7-го армейского корпуса. Вызванная накануне 1-я дивизия отправилась во Фрешвиллер, 3-я еще находилась в Лионе; и генерал решил покинуть Бельфор, двинуться вперед со 2-й дивизией, резервной артиллерией и неполной кавалерийской дивизией. В Лоррахе были замечены огни. Депеша шельштадтского субпрефекта извещала, что пруссаки готовятся перейти Рейн в Маркольсгейме. Генерал чувствовал, что его левый фланг слишком удален от других корпусов и потерял с ними связь; он ускорил передвижение к границе, тем бо-

лее что накануне пришло известие о неожиданном поражении под Виссенбургом. Если генералу и не приходилось самому сдерживать неприятеля, он с часу на час мог ждать приказа идти на подмогу 1-му корпусу. В тот грозовой день, в субботу, 6 августа, наверно, произошло сражение где-нибудь близ Фрешвиллера: это чувствовалось в тревожном, нависшем небе; в воздухе проносился трепет, внезапно поднимался ветер, таивший смятение. И уже два дня дивизия, казалось, шла навстречу неприятелю; солдаты ждали, что вот-вот закончится форсированный марш из Бельфора в Мюлуз и покажутся пруссаки.

Солнце заходило; из отдаленного конца лагеря раздался слабый, подхваченный ветром звук рожков, треск барабанов: это заиграли зорю. Бросив вбивать колья и укреплять палатку, Жан Маккар встал.

При первом известии о войне он оставил Ронь, еще не оправившись от горя: он потерял жену Франсуазу и ее приданое — землю. Жану было тридцать девять лет; он вернулся добровольцем в армию в прежнем чине капрала и немедленно был зачислен в 106-й линейный полк, ряды которого пополнялись; иногда Жан сам удивлялся, что опять надел военную шинель: ведь после битвы под Сольферино он так был рад освободиться от службы, не волочить больше саблю, не убивать людей. Но что делать! Нет ремесла, нет ни жены, ни добра, сердце сжимается от печали и гнева! Что ж! Остается бить врагов, если они не дают покоя. И он помнил, как воскликнул: «Эх, черт подери! Раз не хватает больше духу обрабатывать старую французскую землю, по крайней мере буду ее оборонять!»

Жан оглядел лагерь: там в последний раз, под звуки зори, все пришло в движение. Мимо него пробежало несколько человек. Те, кто было задремал, теперь приподнимались, потягивались устало и раздраженно. А Жан терпеливо ждал переклички, как всегда спокойный, рассудительный и уравновешенный. Благодаря этим качествам он и был превосходным солдатом. Товарищи говорили, что если бы он получил образование, то, наверно, пошел бы далеко. А он умел только читать и писать и не добивался даже чина сержанта. Родился крестьянином, крестьянином и умрешь.

Увидя, как все еще дымятся зеленые сучья, Жан подошел и крикнул Лапулю и Лубе, солдатам из его отделения, которые упорно пытались развести огонь:

— Да бросьте вы! Дышать нечем!

Худощавый и подвижной Лубе насмешливо захихикал в ответ:

— Разгорается, капрал, право, разгорается... Подуй-ка еще, Лапуль!

И он подтолкнул великана Лапуля, а Лапуль изо всех сил старался вызвать бурю, надувая щеки, как мехи; его лицо налилось кровью, глаза стали красными и слезились.

Другой солдат из того же отделения, Шуто, бездельник, любивший удобства, лежал на спине, а Паш тщательно зашивал дырку на штанах; увидя чудовищную гримасу громадного Лапуля, они весело расхохотались.

— Да ты повернись! Подуй с другой стороны! Лучше выйдет! — крикнул Шуто.

Жан дал им посмеяться. Может быть, еще не скоро выпадет такой случай; этот плотный, серьезный парень, с благообразным, спокойным лицом, не любил унывать и охотно закрывал глаза, когда солдаты развлекались. Но он обратил внимание на другое: солдат из его же отделения, Морис Левассер, вот уже около часа беседует с каким-то штатским — рыжим господином лет тридцати шести, похожим на доброго пса, с голубыми глазами навывкате; по близорукости он был освобожден от военной службы. К ним подошел артиллерист, фейерверкер, brave, самоуверенный, с черными усами и бородкой; все трое не обращали ни на кого внимания и чувствовали себя как дома.

Жан решил любезно вмешаться в разговор, чтобы избавить их от выговора:

— Вы бы лучше ушли, сударь! Вот уже играют зорю. Если вас увидит лейтенант...

Морис его перебил:

— Нет, оставайтесь, Вейс!

И сухо ответил капралу:

— Это мой шурин. У него разрешение от полковника; он с ним знаком.

Чего он лезет не в свое дело, этот мужик, у которого руки еще пахнут навозом? Левассер был принят осенью в корпорацию

адвокатов, пошел добровольцем в армию и зачислен в 106-й полк не через призывной пункт, а благодаря покровительству полковника; он готов тянуть солдатскую лямку, но с первого же дня службы в нем поднялось отвращение, глухой протест против этого деревенщины, безграмотного парня, который им командовал.

— Ладно, — спокойно ответил Жан, — пусть вас застукают, мне-то что!

Он отвернулся, заметив, что Морис не врет; в эту минуту появился полковник де Винейль; у него была благородная, величественная осанка, удлинненное желтое лицо и густые седые усы; увидев Вейса и солдата, он улыбнулся. Полковник быстро шел к ферме, расположенной справа, в двухстах — трехстах шагах, среди плодовых деревьев: там на ночь разместился штаб. Неизвестно, был ли там командир 7-го корпуса; он понес тяжелую утрату: под Виссенбургом был убит его брат. Но в штабе, безусловно, находился бригадный генерал Бурген-Дефейль, которому был подчинен 106-й полк, крикливый краснорожий толстяк, коротышка, прожигатель жизни, очень неумный, что, впрочем, ему несколько не мешало. Вокруг фермы люди суетились еще больше: каждую минуту уходили и приходили вестовые, штаб жил лихорадочным ожиданием запаздывающих известий о большом сражении; с утра все чувствовали, что оно действительно произошло, и где-то поблизости. Но где? И каковы его последствия? Приближалась ночь, и, казалось, вместе с темнотой росла тревога, охватывая сад и стога, стоявшие вокруг хлебов. Да еще говорили, будто поймали прусского шпиона, который бродил вокруг лагеря, и повели на допрос к генералу. Может быть, полковник де Винейль получил какую-нибудь телеграмму — он побежал в штаб так быстро.

Между тем Морис опять заговорил с шурином Вейсом и с двоюродным братом — унтером Оноре Фушаром. Барабанный бой донесся сначала издали, мало-помалу загрохотал, приближаясь, прогремел рядом, в скорбной тишине вечера, а они как будто и не слышали.

Внук героя великой наполеоновской армии, Морис родился в Шен-Попюле; его отец был незаметный человек и дошел до скромной должности сборщика податей. Мать, крестьянка, умерла, произведя на свет близнецов — Мориса и его сестру Генри-

етту. Сестра и воспитала его, хотя была еще совсем девочкой. Он пошел на войну добровольцем, после того как совершил немало ошибок по легкомыслию, слабохарактерности и возбудимости, промотав деньги на игру, на женщин, на забавы во всепожирающем Париже, куда он приехал кончать юридический факультет, пока его семья выбивалась из сил, чтобы сделать из него барина. Отец с горя умер, сестра отдала Морису свои последние деньги, но, к счастью, вышла замуж за честного человека, эльзасца из Мюлуза, — Вейса, который долго был счетоводом на сахарном заводе в Шен-Попюле, а теперь служил старшим мастером у Делагерша, одного из крупнейших фабрикантов сукна в Седане. Морис считал, что вполне исправился: по своей неуравновешенности он быстро переходил от надежды к отчаянию; великодушный, восторженный, он не мог остановиться ни на чем, покоряясь любому порыву. Это был белокурый, небольшого роста человек, с высоким лбом, маленьким носом и подбородком, с тонкими чертами лица; у него были серые, кроткие, иногда вспыскивающие безумным огнем глаза.

Вейс поспешил в Мюлуз накануне начала военных действий с намерением уладить одно семейное дело; для встречи с шурином он воспользовался любезностью полковника де Винейля, потому что полковник приходился дядей молоденькой жене Делагерша, красивой вдове, которая вышла за фабриканта год тому назад и с детских лет была знакома Морису и Генриетте, живя по соседству с ними. К тому же, кроме полковника, Морис встретил здесь в лице своего ротного командира, капитана Бодуэна, знакомого Жильберты, молодой госпожи Делагерш, по слухам ее близкого друга в те годы, когда она была замужем за старшим лесничим Мажино в Мезьере.

— Крепко поцелуйте за меня Генриетту! — повторял, обращаясь к Вейсу, Морис, страстно любивший сестру. — Скажите ей, что она будет довольна мной, я хочу, чтобы она могла мной гордиться.

При воспоминании о былых безумствах у него показались на глазах слезы. Вейс, тоже взволнованный, перебил его, обратившись к артиллеристу Оноре Фушару:

— Как только приеду в Ремильи, зайду к вашему отцу и скажу, что видел вас и что вы здоровы.

Отец Фушара, крестьянин, владелец небольших участков земли и торговец мясом, был братом матери Генриетты и Мориса. Он жил в Ремильи, на холме, в шести километрах от Седана.

— Ладно! — спокойно ответил Оноре Фушар. — Отцу на меня наплевать, ну да все равно, зайдите к нему, если это доставит вам удовольствие.

В эту минуту у фермы произошло движение: оттуда свободно вышел, под конвоем только одного офицера, бродяга, заподозренный в шпионаже. Наверно, он показал свои документы, рассказал какую-нибудь басню, и его просто решили выгнать из лагеря. На таком расстоянии, да еще в сумерках, трудно было разглядеть этого огромного, плечистого, рыжеватого детину.

Но Морис воскликнул:

— Оноре! Погляди-ка!.. Да это как будто пруссак, помнишь? Голиаф!

Услышав это имя, артиллерист вздрогнул. У него сверкнули глаза: Голиаф Штейнберг, батрак с фермы, человек, поссоривший его с отцом, отнявший у него Сильвину! Вспомнилась вся эта мерзкая история, вся гнусность и подлость, от которой он до сих пор страдал! Он бы побежал за ним, задушил бы его! Но этот человек был уже за пирамидами ружей, уходил, исчезал в темноте.

— Как Голиаф! — пробормотал он. — Да не может быть! Он там, со своими... Но если я когда-нибудь его встречу!..

Он угрожающе показал на горизонт, объятый мраком, на весь этот лиловатый восток, который был для него Пруссией. Все замолчали; опять заиграли зорю, но где-то далеко; она нежно замирала на другом конце лагеря, среди уже неясных очертаний.

— Черт подери! — воскликнул Оноре. — Мне попадет, если не поспею на переключку... Добрый вечер! Прощайте, ребята!

Он в последний раз пожал обе руки Вейсу и большими шагами пошел к холмику, где расположился артиллерийский резерв; больше он ни слова не сказал об отце и не просил ничего передать Сильвине, хотя ее имя готово было сорваться у него с языка.

Прошло еще несколько минут, и слева, там, где стояла вторая бригада, рожок подал сигнал к переключке. Ближе отозвалась другой. Потом, далеко-далеко, третий. Все ближе, ближе, они

заиграли все вместе, и ротный горнист Год тоже разразился целым залпом звонких нот. Это был рослый, худой, болезненный парень, лишенный всякой растительности на подбородке, всегда молчаливый. Он неистово дул в рожок.

Тогда сержант Сапен, строгий человек с большими мутными глазами, начал переключку. Тоненьким голоском он выкликал фамилии, а солдаты, подойдя, отвечали на разные тоны, от виолончели до флейты. Но вдруг произошла заминка.

— Лапуль! — громко повторил сержант.

Никто не ответил. Жану пришлось броситься к куче свежих сучьев, которые Лапуль, подзадориваемый товарищами, упорно старался разжечь. Лежа на животе, раскрасневшись, он дул изо всех сил на тлевшие сучья, но только разгонял дым, который чернел и стлался по земле.

— Черт возьми! Да бросьте возиться! — крикнул Жан. — На переключку!

Обалделый Лапуль приподнялся, казалось, понял и заорал: «Здесь!» — таким диким голосом, что Лубе покатился со смеху. Паш, кончив шить, отозвался чуть слышным голосом, словно бормотал молитву. Шуто даже не привстал, презрительно выдавил нужное слово и растянулся еще удобней.

Дежурный лейтенант Роша неподвижно стоял в нескольких шагах и ждал. После переключки сержант Сапен доложил, что все налицо, и лейтенант проворчал, указывая на Вейса, который все еще беседовал с Морисом:

— Есть даже один лишний. Что он здесь делает, этот «шпак»?

— Разрешено полковником, господин лейтенант, — счел нужным объяснить Жан.

Роша сердито пожал плечами и молча зашагал вдоль палаток, ожидая, когда потушат огни; а Жан, разбитый усталостью после дневного перехода, уселся в нескольких шагах от Мориса, чьи слова доносились до него сначала только как жужжание; но он их не слушал, погружившись в смутные мысли, которые медленно шевелились в его неповоротливом мозгу.

Морис был за войну, считал ее неизбежной, необходимой для самого существования народов. Он пришел к такому заключению с той поры, как воспринял эволюционные идеи, всю эту те-

орию эволюции, которой в то время увлекалась образованная молодежь. Разве жизнь не является непрерывной борьбой? Разве сама сущность природы не есть постоянная борьба, победа достойнейшего, сила, поддерживаемая и обновляемая действием, жизнь, которая возрождается вечно юной после смерти? И он вспомнил, как его охватил великий порыв, когда ему явилась мысль стать солдатом, идти сражаться за родину, чтобы искупить свои проступки.

Может быть, Франция в дни плебисцита и доверилась императору, но не хотела войны. Он сам еще неделю назад считал войну преступной и нелепой. Люди спорили о кандидатуре германского принца на трон Испании; в неразберихе, которая возникла мало-помалу, были виноваты, казалось, все, и никто уже не знал, откуда исходит провокация; оставалась только неизбежность, роковой закон, по которому в назначенный час один народ идет против другого народа. Трепет пронесся по Парижу. Морис вспомнил пламенный вечер, когда бульвары кишели толпой, люди потрясали факелами, кричали: «На Берлин! На Берлин!» Перед ратушей, взобравшись на козлы извозчичьей кареты, высокая красавица с царственным профилем завернулась в полотнище флага и запела «Марсельезу». Неужели все это обман, неужели сердце Парижа не забилося? А потом, как всегда, после восторженного состояния последовали часы страшных сомнений и отвращения: прибытие в казарму, встреча с фельдфебелем, который его принял, и сержантом, который велел выдать ему военную форму; зловонная и омерзительно грязная комната, грубое обращение новых сотоварищей, механические упражнения, от которых ломило все тело и притуплялся мозг. Но через несколько дней он к этому привык и уже не испытывал отвращения. И его опять охватил восторг, когда полк наконец выступил на Бельфор.

С первых же дней Морис был совершенно уверен в победе. Для него план императора был ясен: бросить четыреста тысяч солдат на Рейн, перейти реку, прежде чем пруссаки будут готовы энергичным наступлением отделить Северную Германию от Южной, и благодаря какой-нибудь блистательной победе немедленно заставить Австрию и Италию выступить на стороне

Франции. Ведь пронесся слух, что 7-й корпус, в состав которого входил полк Мориса, должен отплыть из Бреста в Данию, чтобы отвлечь силы Пруссии и вынудить ее держать на этой границе целую армию. Врага застигнут врасплох, окружают его со всех сторон, раздавят в несколько недель. Простая военная прогулка от Страсбурга до Берлина! Но со времени ожидания в Бельфоре Мориса мучила тревога. 7-й корпус, которому поручили охранять незащищенный участок в Шварцвальде, прибыл туда в невероятном беспорядке, в неполном составе, лишенный самого необходимого. Из Италии ждали 3-ю дивизию; 2-ю кавалерийскую бригаду оставили в Лионе, опасаясь народных волнений; три батареи где-то заблудились. Обнаружилось, что ничего нет; бельфорские склады должны были поставлять все, но оказались пустыми: ни палаток, ни котелков, ни фланелевых поясов, ни медикаментов, ни кузниц, ни пут для коней. Ни одного санитаря, ни одного интендантского рабочего. В последнюю минуту выяснилось, что не хватает тридцати тысяч запасных частей, необходимых для ружей; пришлось послать за ними в Париж офицера, но он с трудом добыл и привез в Бельфор только пять тысяч. Кроме того, Мориса удручало бездействие. Вот уже две недели, как они торчат здесь. Почему не выступают? Он понимал, что каждый лишний день является непоправимой ошибкой, еще одной потерянной возможностью победить. И, наперекор намеренному плану, возникла действительность — трудность его выполнения, то, что Морису пришлось узнать позже и что он пока только смутно и тревожно чувствовал: семь армейских корпусов расположены вдоль границы от Меца до Битча и от Битча до Бельфора; войска везде не в полном составе; армия вместо четырехсот тридцати тысяч человек насчитывала самое большее двести тридцать тысяч; генералы завидуют друг другу, каждый из них во что бы то ни стало хочет добиться маршальского жезла, не помогает другому; ничего не предусмотрено; мобилизацию и сосредоточение войск произвели одновременно, чтобы выгадать сроки, и отсюда — безнадежная неразбериха; наконец, недуг медлительности, исходящей сверху, от большого императора, неспособного на быстрые решения, охватывает всю армию, разлагает ее, уничтожает, ведет к ужаснейшим поражениям,

и Франция не может обороняться. А между тем в мучительном ожидании и бессознательном трепете перед будущим все-таки жила уверенность в победе.

Вдруг 3 августа грянуло известие о победе под Саарбрюкеном, одержанной накануне. О большой победе? Неизвестно. Но газеты захлебывались от восторга: это вторжение в Германию — первый шаг в славном наступлении; наследный принц хладнокровно поднял пулю на поле сражения, — это начало легенды о нем. А два дня спустя узнали, что под Виссенбургом французы были застигнуты врасплох и разбиты; из груди у всех вырвался крик бешенства. Пять тысяч французов попали в засаду и в продолжение десяти часов сопротивлялись тридцати пяти тысячам пруссаков. Эта гнусная бойня взывала о мести! Наверно, командиры виноваты в том, что не приняли мер предосторожности и ничего не предусмотрели. Но все это поправимо. Мак-Магон вызвал 1-ю дивизию 7-го корпуса, 1-й корпус будет поддержан 5-м; сейчас пруссаки, наверно, снова вернулись за Рейн, а наши пехотинцы гонят их штыками в спину. И при мысли о том, что в этот день произошло яростное сражение, усиливалось лихорадочное ожидание известий, под необъятным бледнеющим небом с каждой минутой росла тревога.

Обращаясь к Вейсу, Морис повторял:

— Да, сегодня им, видно, здорово всыпали!

Вейс ничего не ответил и озабоченно покачивал головой. Он тоже смотрел в сторону Рейна, на восток, где уже совсем стемнело, на черную стену, омраченную тайной. При последних звуках зори на оцепенелый лагерь нисходила глубокая тишина, изредка нарушаемая шагами и голосами запоздавших солдат. Мерцающей звездой зажегся свет на ферме, где бодрствовал штаб в ожидании известий, а они приходили каждый час, но очень неопределенные. У костра уже никого не было; свежие сучья все еще дымились густым печальным дымом, и легкий ветер поднимал его над тревожной фермой, застилая в небе первые звезды.

— Здорово всыпали? — повторил наконец Вейс. — Да услышит вас Бог!

Жан, сидевший в нескольких шагах от них, насторожился, а лейтенант Роша, уловив это трепетное пожелание, в котором прозвучало и сомнение, внезапно остановился, чтобы послушать.

— Как? Вы не уверены в окончательной победе? — спросил Морис. — Вы считаете возможным поражение?

У Вейса задрожали руки; он внезапно изменился в лице и побледнел.

— Поражение? Сохрани Бог!.. Ведь я местный житель, моего деда и бабуку убили в тысяча восемьсот четырнадцатом году иноземцы, и, когда я только подумаю о нашествии врага, у меня сжимаются кулаки, я готов стрелять вместе с простыми солдатами — вот так, в сюртучке!.. Поражение? Нет, нет! Я не допускаю и мысли об этом!

Он успокоился и в изнеможении пожал плечами.

— Но только... Как вам сказать?.. Я беспокоюсь... Я хорошо знаю наш Эльзас; я еще раз изъездил его вдоль и поперек по своим делам, и мы, эльзасцы, видели то, что должно было броситься в глаза генералам и чего они не хотят видеть... Да, мы желали войны с Пруссией, мы уже давно ждали случая разрешить наш старый спор. Но это не мешало нашим добрососедским отношениям с Баденом и с Баварией; у нас у всех по ту сторону Рейна родственники или друзья. Мы считали, что и они мечтают, как мы, сбить с пруссаков их невыносимую спесь... Мы были так спокойны, так уверены, но вот уже две недели, как нас охватило нетерпение и тревога: мы видим, что дела идут все хуже и хуже. Со дня объявления войны неприятельской кавалерии дана возможность нападать на деревни, вести разведку, резать телеграфные провода. Баден и Бавария поднимаются, огромные передвижения войск происходят в Пфальце; известия отовсюду, с рынков, с ярмарок, свидетельствуют о том, что границе угрожает враг, а когда местные жители, мэры коммун, в испуге прибегают сообщить об этом офицерам проходящих частей, офицерыжимают плечами: «Это галлюцинации трусов, неприятель далеко!..» Как? Нельзя терять ни одного часа, а проходят дни за днями! Чего ждать! Чтобы на нас навалилась вся Германия?!

Он говорил тихо и скорбно, точно повторяя самому себе то, что долго обдумывал:

— Эх! Германия! Мне она хорошо знакома; ведь хуже всего то, что вы, французы, знаете ее так же плохо, словно какой-нибудь Китай... Помните, Морис, моего двоюродного брата, Гюнтера — того, что прошлой весной приезжал ко мне в Седан? Он мне двою-

родный брат с материнской стороны: его мать, сестра моей матери, вышла замуж в Берлине; так вот, он весь — ихний, он ненавидит Францию. Он теперь призван на военную службу, он капитан прусской гвардии... Помню, когда я провожал его на вокзал, он резко сказал: «Если Франция объявит нам войну, мы ее разобьем!»

Вдруг лейтенант Роша, который до сих пор сдерживался, в бешенстве бросился к ним. Это был худощавый верзила, лет пятидесяти, с удлинненным лицом и впалыми щеками, загорелый, задымленный. Огромный нос с горбинкой нависал над широким ртом, выражавшим вспыльчивость и доброту; жесткие седые усы торчали и щетинились. Громовым голосом он заорал:

— Вы что здесь околачиваетесь и разлагаете наших солдат?

Жан не вмешивался в ссору, но считал, что лейтенант, в сущности, прав... Сам уже удивляясь потере времени и беспорядку, он все-таки никогда не сомневался, что пруссакам здорово всыпят. Дело верное: ведь войска пришли сюда только ради этого.

— Да что вы, лейтенант! — в смущении ответил Вейс. — Я никого не собираюсь разлагать... Наоборот, я бы хотел, чтобы все видели то, что вижу я; ведь лучше знать — тогда можно все предвидеть и преодолеть... Так вот, Германия...

Он говорил сдержанно, как всегда, и рассудительно изложил свои опасения. После Садовой Пруссия усилилась, национальное движение поставило ее во главе других германских государств; это молодая возникающая обширная империя, охваченная неудержимым порывом к объединению; система всеобщей воинской повинности превращает всю нацию в обученную, дисциплинированную армию, снабженную мощным вооружением, закаленную в большой войне, еще овеянную славой молниеносной победы над Австрией; эта армия знает, чего она хочет, ею командуют офицеры, почти сплошь молодые, она подчиняется главнокомандующему, который, по-видимому, собирается обновить военное искусство и отличается необычайной осторожностью, дальновидностью и исключительной ясностью мысли. И рядом с Германией он попытался показать Францию. Французская империя обветшала; ее еще приветствовали в дни плебисцита, но она уже прогнила до основания, ослабила чувство любви к родине, уничтожив свободу и став либеральной слиш-

ком поздно на свою же погибель; она вот-вот рухнет, как только не сможет больше удовлетворять жажду наслаждений, которую сама вызвала; правда, армия ее славится замечательной природной храбростью, увенчана лаврами побед в Крыму и в Италии, но развращена возможностью для военнообязанных ставить взамен себя наемников, действует методами времен африканской войны, слишком уверена в победе и поэтому не пытается овладеть новой военной наукой; наконец, генералы ее большей частью посредственны, снедаемы завистью друг к другу, а некоторые потрясающе невежественны, во главе же их — император, больной, нерешительный, его обманывают, и он сам себя обманывает в этой страшной аванюре, в которую все бросились, закрыв глаза, без настоящей подготовки, в ужасе, в смятении, словно стадо, которое ведут на убой.

Роша слушал, разинув рот, выпучив глаза. Его огромный нос сморщился. И вдруг Роша расхохотался, расхохотался раскатистым смехом, от которого его рот растянулся до ушей:

— Да что вы тут городите? Что за глупости!.. Да это нелепо, слишком даже глупо, не стоит ломать себе голову, чтоб это понять... Рассказывайте такие басни новобранцам, но не мне: я служу уже двадцать семь лет!

Он ударил себя в грудь кулаком. Сын каменщика, выходца из Лимузена, он родился в Париже и, презирая ремесло отца, поступил восемнадцати лет добровольцем в армию. Выслужившись из солдат, он тянул ляжку — капралом в Африке, сержантом под Севастополем, лейтенантом после битвы под Сольферино — и ухлопал пятнадцать лет, полных невзгод и героических подвигов, на то, чтобы добиться этого чина: он был настолько необразован, что не мог и надеяться на производство в капитаны.

— Вот вы все знаете, а этого не знаете... Да, под Мазаграном — мне было только девятнадцать лет — нас собралось сто двадцать три человека, не больше, и мы четыре дня держались против двенадцати тысяч арабов... Да-да, годы и годы я провел там, в Африке — в Маскаре, в Бискре, в Деллисе, потом в Великой Кабилии, потом в Лагуате! Были бы вы там с нами, вы бы видели: стоило нам появиться, и все эти поганые арабы убежали, словно зайцы... А под Севастополем — черт подери! — нельзя сказать, чтобы там было приятно. Бури такие, что все сметали на своем

пути, холод собачий, вечные тревоги; и эти дикари в конце концов все взорвали. Ну а мы взорвали их самих! Да-да, еще как, с музыкой, поджарили на большой сковороде!.. А под Сольферино... Вы ведь там не были, так что ж вы говорите? Да, под Сольферино дело было жаркое, хотя лил такой дождь, какого вы, наверно, никогда не видали! Под Сольферино мы задали австрийцам здоровую трепку; надо было видеть, как от наших штыков они удирали во все лопатки, сбивали друг друга с ног, чтобы бежать еще быстрее, словно у них зад горел!

Его раширало от радости; все старинное веселье французских вояк звенело в его торжествующем смехе. Сложилась легенда: французский солдат разгуливает по всему свету, деля досуг между своей милой и бутылкой доброго вина; он завоевал всю землю, напевая веселые песенки. Один капрал, четыре солдата — и целые армии врагов разбиты в пух и прах!

Вдруг он воскликнул громовым голосом:

— Как? Победить Францию? Францию?.. Чтобы эти прусские свиньи нас разбили?

Он подошел, с силой схватил Вейса за борт сюртука. Все его длинное, худощавое тело странствующего рыцаря выражало полное презрение к любому врагу, кто бы он ни был, полное пренебрежение ко времени и пространству.

— Зарубите себе на носу, сударь!.. Если пруссаки осмелятся прийти к нам, мы их погоним обратно пинками в зад... Слышите? Пинками в зад, до самого Берлина!..

И Роша величественно выпрямился; он был исполнен детской чистоты, простодушной уверенности блаженного, который ничего не знает и ничего не боится.

— Черт возьми! Это так, потому что это так!

Ошеломленный Вейс поспешил ответить, что ничего лучшего и не желает, он был почти убежден. А Морис молча слушал, не смея вмешиваться в разговор в присутствии командира, но в конце концов рассмеялся вместе с ним: этот молодец хоть и глуп, зато от его слов на сердце становится веселей. Да и Жан кивал головой, одобряя каждое слово лейтенанта. Он тоже побывал под Сольферино, в то самое время, когда там лил такой дождь. Вот это ловко сказано! Если бы все командиры так говорили,

можно было бы плевать на то, что не хватает котелков и фланелевых поясов!

Уже давно стемнело, а Роша все еще размахивал во мраке своими длинными руками. За всю жизнь он прочитал, да и то с трудом, только одну книгу, книгу о наполеоновских победах, которая попала в его ранец из ящика разносчика. Он никак не мог успокоиться, и все его знания прорвались в неистовом крике:

— Австрийцев мы поколотили под Кастильоне, под Маренго, под Аустерлицем, под Ваграмом! Пруссакон мы поколотили под Эйлау, под Иеной, под Лютценом! Русских мы поколотили под Фридландом, под Смоленском, под Москвой! Испанцев, англичан мы колотили всюду! Весь земной шар мы поколотили сверху донизу, вдоль и поперек!.. И чтоб теперь поколотили нас? Как так? Разве мир изменился?

Он снова выпрямился и поднял руку, словно древко знамени:

— Послушайте! Сегодня там сражались; мы ждем известий. Так вот! Я вам сообщу их сам!.. Пруссакон поколотили, так поколотили, что от них остались только рожки да ножки, остается только подмести крошки!

В эту минуту под темным небом раздался мучительный крик. Была ли то жалоба ночной птицы или донесшийся издали, полный слез, голос тайны? Весь лагерь, погруженный во мрак, вздрогнул, и лихорадочная тревога, затаенная в ожидании вестей, которые так запаздывали, еще усилилась. Вдали, на ферме, свеча, озаряя бодрствующий штаб, казалось, запылала ярче, прямым, неподвижным пламенем, как в церкви.

Было уже десять часов. Горнист Год внезапно вынырнул словно из-под земли и первый подал сигнал тушить огни. Ему ответили другие рожки, затихая один за другим, замирающей фанфарой, словно цепenea во сне. Задержавшийся так поздно Вейс нежно обнял Мориса. «Счастливо и смелей! Я поцелую за вас Генриетту и передам привет Фушару». Он еще не успел уйти, как пронесся новый слух, все заволновались. «Маршал Мак-Магон только что одержал крупную победу: прусский кронпринц взят в плен вместе с двадцатью пятью тысячами пруссаков, неприятельская армия отброшена и разбита, в наши руки попали пушки и снаряжение».

Золя Э.
3 81 Разгром ; Доктор Паскаль : романы / Эмиль Золя ; пер. с фр. В. Парнаха, Е. Яхниной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 832 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31357-6

Эмиль Золя — один из столпов мировой реалистической литературы, основоположник и теоретик натурализма, увлеченный исследователь повседневности, страстный правозащитник и публицист, повлиявший на все реалистическое направление литературы XX века. Его самый известный труд — эпохальный двадцатитомный цикл «Ругон-Маккары», раскрывающий перед читателем бесконечную панораму человеческих пороков и добродетелей в декорациях Второй империи. Это подлинная энциклопедия жизни Парижа и французской провинции на примере нескольких поколений одной семьи, родившей самые странные плоды.

В настоящее иллюстрированное издание вошли романы «Разгром» (1892) и «Доктор Паскаль» (1893), занимающие, согласно предписанному автором порядку чтения, девятнадцатое и двадцатое места и завершающие цикл «Ругон-Маккары».

Жан Маккар, уже известный читателям по роману «Земля», разочаровавшись в сельской жизни, возвращается в армию, где беспомощно наблюдает за крахом Империи и разгромом ее армий. Драматические события периода Парижской коммуны переворачивают жизнь Жана, однако падение Империи, этого колосса на глиняных ногах, дарит надежду на новое начало.

Действие романа «Доктор Паскаль» происходит в начале 1870-х годов, после падения Второй империи, исторического фона, на котором разворачивается действие цикла. Исследования доктора Паскаля Ругона, ведущего тихую жизнь ученого в Плассане и изучающего наследственность своего рода, подводят итог грандиозной летописи рода Ругон-Маккаров, над созданием которой Эмиль Золя трудился более двадцати лет.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ
РАЗГРОМ
•
ДОКТОР ПАСКАЛЬ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Людмила Дубовая, Валерий Камендо, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.01.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 50,96. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-40598-01-R